

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья
УДК 343.9.02

АФГАНСКИЙ НАРКОТЕРРОРИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА СТРАНАМ-ЧЛЕНАМ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Олег Викторович Тепляков¹, Максим Владимирович Молдавский²

¹⁻² Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Муринское городское поселение, Россия

¹ otvspb@yandex.ru

² moldavskymv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено такое явление, как афганский наркотерроризм, как современная угроза странам-членам Содружества Независимых Государств. Показана стратегия государств-членов СНГ вокруг Афганистана и совместные шаги международных акторов в интересах стабилизации обстановки в Афганистане и в регионе в целом.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Афганистан, Талибан, наркотерроризм

Для цитирования: Тепляков О. В., Молдавский М. В. Афганский наркотерроризм как современная угроза странам-членам Содружества Независимых Государств // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 153–159. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/028.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

AFGHAN DRUG TERRORISM AS A MODERN THREAT TO THE MEMBER COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Oleg V. Teplyakov¹, Maksim V. Moldavskij²

¹⁻² Leningrad Regional Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Murinsky urban settlement, Russia

¹ otvspb@yandex.ru

² moldavskymv@yandex.ru

Abstract. The article considers such a phenomenon as Afghan drug terrorism as a modern threat to the member countries of the Commonwealth of Independent States. The strategy of the CIS member states around Afghanistan and the joint steps of international actors in the interests of stabilizing the situation in Afghanistan and in the region as a whole are shown.

Keywords: extremism, terrorism, Afghanistan, Taliban, narco-terrorism

---

For citation: Teplyakov O. V., Moldavskij M. V. Afghan drug terrorism as a modern threat to the member countries of the commonwealth of independent states // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 153–159. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/028.pdf>.

© Тепляков О.В., Молдавский М.В., 2022

Введение

«Если Вы не интересуетесь мировой войной, то может быть она, интересуется Вами?» – риторически вещал когда-то Председатель Петросовета Лев Давидович Троцкий. Сегодня мир находится в ситуации, когда мировая война в лице наркотерроризма уже интересуется нами. С этих позиций: наркотик – война – дестабилизация обстановки, т. е. наркобизнес, способствовал развитию сложившейся сложной наркоситуации

и ухудшению террообстановки в различных уголках мира.

«Ярким примером может служить Афганистан, где присутствует тесная связь между терроризмом и наркопреступностью. При этом необходимо учитывать, что в сознании народов Афганистана сохранились вековые родоплеменные структуры, обладающие сводом господствующих в его этнической группе неписанных законов, которым они следуют наравне с идеологией

исламизма» [1, с. 68].

«Корни такой ситуации уходят глубоко в народную культуру, для которой характерно наличие трех основных компонентов: ясные и обязательные для соблюдения чести и самоуважения как необходимая основа для самобытности и ценности личности; желание жить в соответствии с местными, весьма разнообразными обычаями и традициями; вера в ислам. Единственным инструментом, с помощью которого удалось в определенной степени объединить эти разрозненные силы, оказалась исламизм. Эта идеология политического ислама провозглашала непримиримую войну с неверными и ратовала за создание «истинного исламского государства» [1].

Основные положения

На примере Афганистана хорошо видно, что потенциал исламизма стал силой способствующей созданию международными реакционными силами движения «Талибан»¹ («ДТ»). Образование «ДТ» можно назвать искусственным новообразованием созданным руками спецслужб США, Великобритании и Пакистана, которые в 1981 году подписали совместный документ о разработке проекта носящего название «Программа-М». Эта программа финансировалась Саудовской Аравией, США помогала советниками и оружием вместе с Китаем, Египтом и другими странами Персидского залива и НАТО.

Процесс становления неправительственной религиозно-политической организации (НРПО) возлагался на пакистанскую межведомственную разведку (МВР). Таким образом, было созданы НРПО «Джамаат и ислам» и «Джамаат улема и ислам»² на которых были возложены обязанности заниматься становлением «ДТ», которые отбирали афганских подростков из лагерей беженцев и обучали их в деобандистских медресе, прежде всего в «Хаккани» [1].

В идеологическом плане «ДТ» стало наследником деобандизма³ и пуштунвалая⁴ и одновременно последовательным сторонником ханафитского мазхаба и матуридитского калама.

Сегодня сформировалось два главных центра управления «ДТ». Это «Совет Кветты» (Шура-е Кветта) и «Совет Пешавара» («Шура-е Пешавор») [2].

Кветта Шура (Совет лидеров) был сформирован в мае 2002 года в городе Кветта расположенном в пакистанской провинции Белуджистан, который формально возглавляет «повелитель правоверных» (высший титул в «Талибана») маулави Хайбатулла Ахундада, однако реальная власть принадлежит главе военной комиссии «ДТ» мулле Мохаммаду Якубу, сыну основателя движения талибов муллы Мохаммада Омара. Кро-

ме того, заметную роль в «Кветтской шура» играет руководитель политического офиса «Талибана» в Катаре мулла Абдул Гани Барадар [2].

«Шура-е Пешавор» являющаяся соперником в борьбе за власть «Кветтской шура» расположен в столице пакистанской провинции Хайбер-Панхтунхва и полностью контролируется лидером террористической «сети Хаккани»⁵ Сираджудином Хаккани вождь племени дуррани [2].

Представленные «советы» («ДТ») находятся под контролем МВР, особенно прокси – инструментом является «сеть Хаккани», через которую полностью реализуются стратегические планы Пакистана.

В XXI веке наркотерроризм стал острой международной проблемой и имеет широкое воздействие на национальную безопасность, общественное здоровье и личную свободу [3].

Это понятие вошло в обиход на Западе в 1983 году, когда перуанский президент Белаунде Терри представил концепцию «наркотерроризм» для обозначения нападений подобных террористическим против наркополицейских в его стране. Наркопреступники использовали методы политических противников, чтобы влиять на политику в стране, осуществляя террор и препятствуя отправлению правосудия. Позже идеологически направленные террористические организации приняли незаконную торговлю наркотиками в качестве источника дохода [3].

Самым простым способом описания наркотерроризма является формулировка Макаренко – это континуум, где одна конечная точка занята специализированными наркопреступлениями с коммерческими мотивами, а другая конечная точка специализированными действиями с идеологическими мотивами [4, с. 130].

С полной ответственностью «ДТ» можно назвать наркотеррористической организацией, которая в настоящее время вынуждает перестраивать глобальный рынок наркотиков, включая мексиканские наркокартели. По мнению мексиканской журналистки и публициста Анабель Эрнандес несмотря на исторические, географические и религиозные отличия Мексики и Афганистана, у них имеются общие черты: обе организации зависят от торговли наркотиков; расширяют подконтрольное им территории и свое политическое влияние с помощью насилия.

Сегодня на Мексику, Афганистан и Мьянму приходится до 95 % производства наркотиков из опиумного мака. В настоящее время 50 % ВВП Афганистана приходится на наркотики.

Официально «ДТ» имеет двойственное отношение к наркотикам. Потребление их запрещено, а производство и торговля разрешено. Согласно докладу Государственного департамента США с 2019 по 2020 год сельскохозяйственные площади, засеянные опиумным маком, увеличились с 163 до 224 гектаров.

В сфере «наркотерроризма» присутствуют следующие операторы – **организованные пре-**

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

² Террористическая организация, запрещенная в России.

³ Деобандизм – радикальное учение, возникшее в XIX веке среди мусульман Британской Индии, продвигающее учение призывающее к воссозданию единого исламского халифата со строгой жизнью в соответствии со средневековыми нормами.

⁴ Пуштунвалей – это свод неписанных законов (адат) направленных на сохранение племенных законов замешанный на религиозном национализме пуштунов.

⁵ Террористическая организация, запрещенная в России.

ступные формирования. Наркокартели специализированные наркоорганизации обладающие свободно связанным типом в виде гибкой сети, имеющие значение в распространение наркотиков до конечного потребителя; террористические **организации.** Религиозно-политические организованные группировки во времена гражданской войны в Таджикистане 1991–1997 гг. военачальники финансировали свои силы с помощью контрабанды наркотиков. Например, суммарный доход от наркобизнеса для движения типа «Аль-Каида»⁶ был оценен ООН в 2,4 млрд долларов США. Государственные власти и их разведывательные службы могут быть вовлечены в «наркотерроризм». Специальные службы МИ-6 (Великобритания), ЦРУ (США), МВР (Пакистан), этими службами организовывались чартерные рейсы коммерческих авиакомпаний из Багрмана вывоз наркотиков в Европу. Точкой доставки являлись военная база в Испании Морон-де-ла-Фронтера, в Косово – Кэмп-Бондстил, в Германии – Рамштайн. Концепция «наркогосударства» подразумевает влияние наркокартелей с помощью экономической, политической и военизированной силы на осуществление властных полномочий со стороны центрального правительства [3].

По мнению некоторых британских экспертов и специального инспектора США по Афганистану, до 60 % дохода «ДТ» обеспечивает именно торговля героином [5].

Компетентные органы государств-участников СНГ, установили около 700 объектов наркопроизводства, дислоцированных только на севере Афганистана и являются производственным кластером, специализирующимся на северном направлении. Из этого следует, что активность трансграничных криминальных группировок, а также борьба за контроль над потоками контрабанды, особенно, наркопотоками по «Северному маршруту» из Афганистана представляет угрозу государствам-членам СНГ. Последнее особенно важно в связи с тем, что террористическая деятельность финансируется, в том числе за счет наркодоходов [6].

В Афганистане интересы транснациональной криминальной экономики, а именно наркобизнеса переплетается с геостратегическими и геополитическими интересами. Как отмечает Питер Дейл Скотт, «наркомафия сегодня превратилась во влиятельный фактор, определяющий ход политических процессов на всех континентах Земли. Раз за разом США задействуют одну и ту же схему, по которой для ведения войны в том или ином богатом нефтью регионе задействуется потенциал различных союзников, так или иначе связанных с незаконным наркобизнесом», которые фактически становятся «наркосюзниками» США» [7].

Усиливающим фактором к перечисленным проблемам для государств-членов СНГ является распространение экстремистской идеологии на афганско-среднеазиатском направлении с использованием передовых технологий средств массовой коммуникации. Мишенью пропаганды

религиозно-политической пропаганды является зашкаливаемый уровень коррупции светской власти государств Средней Азии, очень высокая степень нищеты, безработица, разрушение советской системы социального обеспечения, образования и здравоохранения, огромная плотность населения. Трайбализм, являющийся основой государственной власти («несостоявшихся государств» Средней Азии привел их к возвращению исторической традиции авторитарного правления построенного на кланово-земляческих и родоплеменных принципах. Соответственно подобная модель государственного управления в странах Туркестана привела к деструктивным религиозно-политическим, национальным и клановым конфликтам.

Следовательно, нынешняя государственная власть в странах Средней Азии представляет собой «двуликого Януса», где присутствует параллельность официальных и неофициальных институтов управления общественными отношениями. То есть теневая система управления общественными процессами, не представленная в официальных органах политической власти, оказывают прямое воздействие на принятие важнейших политических решений и влияет напрямую на социально-политическое и экономическое развитие этих стран. Эти особенности государственного управления в государствах Туркестана накладывают определенный отпечаток, создающий все условия для радикализации общества и создание «группы риска» наиболее подверженной исламистской пропаганде в Средней Азии.

Указанные деструктивные процессы в среднеазиатских республиках происходят при активном участии спецслужб США и Великобритании и других стран ЕС, которые направлены на разрушение государственных устоев и укрепление связей с экстремистско-криминальными структурами, создающие хаос в социуме. Под видом экспорта демократии и свободы в среднеазиатский регион западные страны осуществляют ослабление государственных институтов и вовлечение силового и правоохранительного блока в наркотерроризм.

Представленные общественно-политические и социально-экономические факторы особенно характерны для Ферганской долины, где особенно популярны различные виды исламистских идеологий, где их активную пропаганду проводят иностранные проповедники-эmissары НРПО.

Почему именно Ферганскую долину в качестве плацдарма исламизма выбрали США и их союзники?

Во-первых, население региона гораздо более религиозное, чем в других регионах Средней Азии. Уже в советский период действовала целая сеть подпольных медресе и мечетей. Во-вторых, высокая плотность населения порождала серьезные социальные проблемы в виде дефицита земли, воды, огромной безработицы и бедности. В-третьих, по трассе Хорог-Ош проходит наркотрафик, который доставляет наркотики в Ферганскую долину, откуда через Кыргызстан, Узбеки-

⁶ Террористическая организация, запрещенная в России.

стан и Казахстан переправлялся в Россию и далее в страны Европы. Важным фактором, использования этого маршрута, является его география: где две трети трассы Хорог-Ош-Андижан проходят на высоте свыше 3000 м над уровнем моря, здесь имеется множество глухих ущелий, горных троп, по которым легко обойти все посты и маршруты патрулирования силовых структур [8].

Эти причины заставляют страны Средней Азии отнестись к «хрупким государствам» создающие потенциал «несостоявшихся государств». Особенно наличие серьезных межгосударственных конфликтов в Ферганской долине на границах между Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном, которые приводили эти страны к масштабным межнациональным столкновениям [8].

Разжиганию этих «горячих точек» способствуют специальные службы США и Великобритании, чтобы продвигать американские интересы в регионе на создание двух военных плацдармов. Один должен обеспечивать Восточный выход на Кангаз, Восточный Синьцзян, Восточный Туркестан – это две части Синьцзяна. Второй плацдарм ориентирован на юг, на Афганистан и горные районы Пакистана и Ирана [8].

В процессе функционирования разведсообщества США в Средней Азии активно ведет собственную полевую работу по сбору информации по причине не доверия формальной информации присутствующей в информационном пространстве. Для этих целей в южнокиргизском городе Ош действует под прикрытием НКО⁷ «Центр Междуродной группы по предотвращению кризисов» (International Crisis Group), прикрывающий разведывательную полевую работу по Ходженту (по таджикской территории Ферганской долине), по Андижанской, Наманганской и Ферганской областям Узбекистана, Баткенской, Джалал-Абадской и Ошской областям Киргизии, по Памиру и Горно-Бадахшанской области Таджикистана [8, с. 128–129].

Американцы в режиме реального времени снимают адекватную картинку всех объектов этого обширного в географическом смысле и узлового в мировой политике региона. Этот центр владеет ситуацией в конкретных кишлаках и махаллях таджикско-узбекского, узбекско-киргизского, узбекско-таджикского, киргизско-таджикского, китайско-киргизского приграничья. Детально владеет информацией о местных конфликтах и их потенциале, где существуют конфликты по воде, где конфликт по мечетям, где конфликт имеет хозяйственно-экономические предпосылки, а где конфликт близок к насилию, к насильственным действиям, к небольшой войне и т. д. [8]. В разведывательно-полевой работе «первую скрипку» играют специалисты разведывательного сообщества США, местные эксперты выступают в роли источников информации.

По имеющимся данным, до вывода из Афганистана международных сил содействия безопасности (МССБ) разведсообщество США ак-

тивно использовали афганскую площадку для развертывания разведывательной деятельности против государств-участников СНГ. По данным специальных служб государств-участников СНГ на территории провинции Баграм функционировал разведывательный центр. Данное секретное заведение комплектовалось бывшими и действующими сотрудниками афганских органов безопасности, которые изучали в нем русский язык, обычаи, традиции народов России и Средней Азии. По окончании разведывательного центра его выпускники забрасывались в республики Средней Азии с целью создания «спящих ячеек» террористического характера.

В реальности получается следующая картина. США, прикрываясь стратегией борьбы с наркотерроризмом в Средней Азии, усиливают деятельность американских сил в регионе с целью установления гегемонии США.

Тайное соглашение между командованием МССБ и местными наркокартелями были сформулированы в докладе исследовательской службы конгресса США: «Коалиционные силы в интересах обеспечения региональной безопасности и борьбы с терроризмом могут полагаться на сотрудничество с полевыми командирами, лидерами племен и представителями местных властей, которые могут быть замешаны в торговле наркотиками». Впервые в Афганистане появился наркокартель из шести-семи ключевых полевых командиров. В результате число людей, вовлеченных в опиумный бизнес, резко возросло до 3,5 млн чел., а доля наркобизнеса в ВВП страны достигла 40–50 % [9].

Организация подобных каналов наркотрафиков – стандартная американская схема поддержки самофинансирования различного рода боевых незаконных формирований, применяемая по всему миру. Контролируемый американцами ресурс должен дать возможность, усилив эти кланы, препятствовать формированию в странах Средней Азии сильной власти и поддерживать политическую систему и систему государственного управления республики в разбалансированном состоянии. Следовательно, приоритет США – это создание перманентной нестабильной социально-политической обстановки в республиках Средней Азии [9]. Суть этой концепции это элемент посредников в реализации плана «построения потенциала партнеров» (*Partner Capacity Building*), чтобы осуществлять глобальное присутствие блока НАТО.

Таким образом, США решают следующие задачи: создают автономную самофинансирующуюся посредническую силу (*проху*) в лице экстремистской организации, чтобы с помощью её осуществлять свои военные, политические и экономические интересы в стране и регионе; реализуют возможность дестабилизировать общественно-политическую обстановку в стране, где осуществляется спецоперация с помощью коррумпированности власти, проведения пропагандистско-информационных мероприятий с целью подрыва веры в общественном сознании в силу

⁷ НКО – некоммерческая организация.

государства и лишения народа воли к сопротивлению, ведения подпольных и карательных акций против инакомыслящих; проведения тайных операций спецслужбами США с помощью контролируемых экстремистских и криминальных сетей.

По сути, современное общество среднеазиатского региона разочаровано светскими институтами власти и традиционным духовенством. В сложившейся ситуации создание «ДТ» теократического государства в Афганистане может оказаться примером для соседних государств СНГ. Именно с помощью «мягкой силы» будут продвигаться идеи исламизма в государства СНГ.

В сложившейся ситуации на мусульманском пространстве СНГ возникает новый деструктивный тренд, не имеющий разрыва с местной исламской традицией. То есть «ДТ» пришло к власти, не меняя своего традиционного религиозно-социального мировоззрения и уклада жизни в Афганистане.

В данном случае отсутствует элемент отрыва от традиционных национальных корней и местных мусульманских традиций с присоединением к панисламизму – салафизму. Пример «ДТ» показывает, что установление всеобъемлющей исламистско-шариатской системы в отдельном мусульманском анклаве возможен на основе традиционных мазхабов (религиозно-правовых школ). Таким образом, отсутствует необходимость адептам порывать с традиционной религией присущей местным традициям Средней Азии и России, и перестраивать свое мировоззрение, основываясь на новых теологических базисах.

Из этого следует, что, создаются условия для возникновения НРПО опирающихся на традиционные теологические школы характерные для мусульман Средней Азии и создается гипотетическая обширная социальная база для местных кланов активно участвовать в политических процессах постсоветских стран Средней Азии.

Помимо «ДТ» опасность для государств СНГ исходит от других НРПО базирующихся в Афганистане «Джамаат Ансоруллах», «Исламского движения Узбекистана» присягнувших на верность ИГИЛ.

Представленные исламистские организации имеют свои наркотрафики, проходящие по территории среднеазиатского региона и России, с соответствующими криминальными связями на местах. Нельзя исключать вариант, что местный криминал вовлечен в вооруженное подполье представленное «спящими ячейками» разбросанными по территории республик Средней Азии. Одновременно в приграничных районах среднеазиатских республик с Афганистаном заранее подготовленные эмиссары ведут информационно-диверсионную работу, направленную на создание сепаратистских и радикальных настроений среди местного населения.

Ранее указанные предположения начинают сбываться. В настоящее время границу с Таджикистаном со стороны Афганистана охраняют боевики НРПО «Джамаат Ансоруллах», которую в 2010 году создал погибший в 2015 году полевой

командир объединенной таджикской оппозиции времен гражданской войны 1992–1997 гг. Мулла Амридинн. После его смерти эту террористическую организацию возглавил этнический таджик Махди Арсалон имеющий намерения создать на территории современного Таджикистана теологическое государство по образцу Афганистана.

По схожему сценарию складывается обстановка на других участках границы Афганистана с Узбекистаном и Туркменией.

Отдельно следует обратить внимание на НРПО «Катиба Таухидваль-Джихад» («Батальон единобожия и джихада») действующей в сирийской Идлибской зоне деэскалации, где собраны вместе боевики со всей Средней Азии. За громким названием этой НРПО скрывается обширная сеть вербовки боевиков из Средней Азии, обладающая сетью учебных центров в нескольких странах. Эта организация стоит за террористическими актами в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 года, в столице Швеции Стокгольме и Киргизии. Во главе НРПО «Катиба Таухид Валь-Джихад» стоял Абу Салах аль Узбеки организовавший вербовку боевиков с помощью Сети интернет в основном из числа мигрантов работающих за пределами своих стран.

С выведением проблемы связанной с приходом к власти «ДТ» в Афганистане на международную плоскость тематика борьбы с этим террористическим образованием стала приоритетным направлением компетентных органов и вооруженных сил государств-членов СНГ.

За последний год вызовы и угрозы исходящие из Афганистана существенно трансформировались, в связи, с чем прежние меры противодействия им становятся малоэффективными. Все эти факторы формируют новые условия деятельности компетентных органов и вооруженных сил государств-членов СНГ по защите их суверенитета и территориальной целостности, иных государственных и общественных интересов.

С учетом названных факторов, совершенно очевидно, что обеспечить на должном уровне коллективную безопасность государств-членов СНГ невозможно лишь путем проведения консультаций и совместных учений.

Актуален переход на новый, более конкретный организационно-тактический уровень сотрудничества и координаций усилий. Соответствующие руководства, разработки и практические совместные операции компетентных органов и вооруженных сил государств-членов СНГ по ключевым направлениям взаимодействия кардинально повышают уровень противодействия угрозе исходящей из Афганистана.

В рамках компетентных органов и министерств обороны государств-членов СНГ происходит переосмысление подходов к организации работы в сфере антитеррора с учетом событий происшедших в Афганистане.

Обеспечения коллективной безопасности государств-членов СНГ определяется компетенцией ее субъектов в процессе подготовки и проведении совместных и скоординированных меропри-

ятий в рамках правоохранительных органов, специальных служб и вооруженных сил.

В части деятельности компетентных органов государств-членов СНГ предусмотрено проведение следующих совместных действий:

- обмен оперативно-розыскной и иной информацией, создание и использование совместного информационного банка, а также механизма систематизации и обмена проверенными сведениями о террористических и экстремистских организациях, их лидерах и участниках;

- выявление и постановка на учет в Межгосударственном информационном банке (МИБ) лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость, из числа особо опасных рецидивистов, занимающих высшее положение в преступной иерархии, иных лидеров и авторитетов уголовно-преступной и экстремистско-террористической среды, периодически пересекающих границы государств-членов СНГ с Афганистаном;

- совместная разработка и реализация оперативно-розыскных разработок компетентными органами государств-членов СНГ в целях защиты приграничных территорий с Афганистаном с целью защищенности национальной и межгосударственной безопасности СНГ;

- активизировать развитие совместной информационной системы обеспечения оперативно-розыскной деятельности;

- выявление и перекрытие в ходе скоординированных оперативно-розыскных мероприятий и действий каналов поступления из Афганистана на территорию государств-членов СНГ наркотиков, оружия, незаконных мигрантов, вербовки и переброски граждан в зону вооруженного конфликта, финансирование терроризма и экстремизма, торговли людьми; выполнение запросов на проведение оперативно-розыскных мероприятий компетентными органами в рамках государств-членов СНГ;

- координации проведения оперативно-розыскных мероприятий и действий, в рамках обеспечения действий Коллективных сил по поддержанию безопасности на рубежах границы государств-членов СНГ с Афганистаном;

- создание объединенных оперативно-розыскных групп с целью планирования и координации оперативно-розыскного противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в государствах-членов СНГ связанных с событиями в Афганистане.

Заключение

Поддержание мира и обеспечение безопасности на рубежах границы республик Средней Азии с Афганистаном является одним из приоритетных направлений деятельности вооруженных

сил государств-членов СНГ. Операции по поддержанию мира и межгосударственной безопасности на границе с Афганистаном включает в себя проведение специальных операций с использованием военных, полицейских (национальные гвардии) подразделений направленных на предотвращение, сдерживание и прекращение военных действий на приграничной территории государств-членов СНГ с Афганистаном и способствующих поддержания мира и безопасности.

Также вооруженные силы государств-членов СНГ в соответствии с межгосударственными договорами в рамках СНГ и ОДКБ и двухсторонними соглашениями готовы осуществлять операции по поддержанию мира и безопасности на границе с Афганистаном следующим образом:

- созданием демилитаризованных зон; недопущением и предотвращением вооруженных столкновений на южных рубежах государств-членов СНГ;

- формированием «зоны безопасности» в приграничье с Афганистаном путем обеспечения видимого присутствия Коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ или двухсторонних вооруженных сил государств-членов СНГ;

- осуществлением совместного патрулирования приграничья с Афганистаном совместными нарядами армейских и полицейских подразделений государств-членов СНГ, чтобы контролировать военно-политическую обстановку и поведение местного населения в режимной «зоне безопасности», а также не допускать строительство оборонительных сооружений, заграждений и минных полей незаконными вооруженными формированиями;

- осуществление инженерно-технических мероприятий на заминированных участках местности и объектах вооруженными силами государств-членов СНГ, обеспечение безопасности на жизненно важных объектах;

- оказание содействия местным компетентным органам и армейским подразделениями государств-членов СНГ по обеспечению безопасности транзита всех видов транспорта и функционирования коммуникаций, контроль перевозок, пресечение противоправного ввоза и вывоза боевой техники, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ на границе с Афганистаном.

Вывод МССБ из Афганистана способствует возникновению определенных рисков, в виде вторжения международных террористических организаций на территорию государств-членов СНГ является серьезной потенциальной угрозой. В связи со сложившейся тревожной обстановкой вокруг Афганистана страны-члены СНГ заинтересованы поддерживать режим безопасности в этом регионе.

Список источников

1. Тепляков О. В. Религиозный фактор в террористических организаций: монография. СПб. : СПб ИПКР ФСИН России, 2006.
2. Серенко А. В «Талибане» обострились внутренние конфликты // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/world/2021-04-26/100_153526042021.html (дата обращения: 10.12.2021).

3. Хартелиус Ю. Наркотерроризм. СПб. : СПбГУ, 2010. 47 с.
4. Makarenko T. The Crime – Terror Continuum: Tracing the Inter play between Transnational Organized Crime and Terrorism // *Global Crime*. 2004. Vol. 1 (6). № 1. P. 129–145.
5. Плотников Н. Наркоситуация в Афганистане обостряется // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19906> - / (дата обращения: 10.12.2021).
6. Казанцев А. А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года // *Аналитические доклады ИМИ МГИМО*. 2013. Вып. 2 (37).
7. Скотт П. Д. Наркотики, нефть и война : США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. М.: Кучково поле, 2012. 302 с.
8. Средняя Азия: андижанский сценарий? : сборник / сост.: М. М. Мейер ; предисл. В. В. Наумова. М. : Европа, 2005. 183 с.
9. Князев А. Борьба США и НАТО с афганскими угрозами? Опыт Средней Азии // *НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира: материалы Международной конференции* (г. Москва, 15 мая 2021 года). URL: <https://userdocs.ru/pravo/22196/index.html> (дата обращения: 10.12.2021).

References

1. Teplyakov O. V. *The Religious Factor in terrorist organizations: a monograph*. Saint-Petersburg: SPb IPKR FSIN Rossii. 2006. (In Russ.).
2. Serenko A. Internal conflicts escalate within the Taliban. In: *Independent newspaper*. Available from: https://www.ng.ru/world/2021-04-26/100_153526042021.html [Accessed 10ht December 2021]. (In Russ.).
3. Hartelius Ju. *Narkoterrorizm*. Saint-Petersburg: SPbGU. 2010. (In Russ.).
4. Makarenko T. The Crime –Terror Continuum: Tracing the Inter play between Transnational Organized Crime and Terrorism. In: *Global Crime*. 2004;1 (6);1: 129–145.
5. Plotnikov N. The drug situation in Afghanistan is escalating. In: *International life*. Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/19906> - / [Accessed 10ht December 2021]. (In Russ.).
6. Kazancev A. A. Scenarios and trends in the evolution of the situation in the Central Asian region of collective security of the CSTO after 2014. In: *Analytical reports by IMI MGIMO*. 2013;2(37). (In Russ.).
7. Skott P. D. *Drugs, Oil, and War: The US in Afghanistan, Colombia, and Indochina*. Moscow: Kuchkovo pole; 2012. (In Russ.).
8. Mejer M. M. (eds.). *Central Asia: the Andijan scenario?: a collection*. Moscow: Europe; 2005. (In Russ.).
9. Knjazev A. US and NATO struggle against Afghan threats? Experience of Central Asia. In: *NATO: myths and reality. Lessons for Russia and the World: Proceedings of the International Conference; Moscow; 15ht May 2021*. Available from: <https://userdocs.ru/pravo/22196/index.html> [Accessed 10ht December 2021]. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Тепляков – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры специальных дисциплин

М. В. Молдавский – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин

Статья поступила в редакцию 18.01.2022;
одобрена после рецензирования 07.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

O. V. Teplyakov – Candidate of Sciences (Political), Docent, Associate Professor of the Department of Special Disciplines

M. V. Moldavskij – Candidate of Sciences (Law), Lecturer of the Department of Special Disciplines

The article was submitted 18.01.2022;
approved after reviewing 07.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.